

ДВЪ БЫЛИНЫ.

Память народа нашего коротка — въ этомъ упрекаютъ его не безъ основанія: рѣдко и мало можно услышать у него историческихъ преданій, особенно преданій древнихъ. Но есть небольшое число замѣчательныхъ лицъ минувшихъ вѣковъ, лицъ, обратившихся въ баснословныя видѣнія и живущихъ въ памяти народной въ—теченіи нѣсколькихъ вѣковъ: сюда принадлежитъ, изъ самыхъ древнихъ, Владимиръ князь, а затѣмъ и Грозный—царь. Чѣмъ рѣже сказочные преданія эти попадаются въ народѣ, тѣмъ большаго они заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе должны мы стараться обѣ отысканіи и сохраненіи ихъ. Вотъ двѣ былины такого рода: одна о временахъ Владимира, записана съ крестьянского рассказа въ Тамбовской губерніи; другая — о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Архангельской губерніи.

Во время князя, красна—солнышка Владимира, появился около Кіева страшный змѣй и браль онъ съ народа поборы не малые: съ каждого двора по красной дѣвкѣ, съ дыму по ягодкѣ; а какъ возьметъ дѣвку съ череднаго двора, такъ и съѣсть ее — и поминъ простиль. Въ такую бѣдовую годину горе всѣхъ уравняло: что жилецъ, что стрѣлецъ, что гость, что бояринъ, что посадникъ, что самъ царь—великій князь — все одно: никому не миновать, что змѣю—людоѣду покориться, красной дочерью поклониться; на кого жребій покажеть, съ того и поборъ.

Вотъ и пришелъ чередъ идти къ тому змѣю поганому на съѣденіе самой царской дочери — и пошла. Схватиль змѣй царевну и потащилъ къ себѣ въ берлогу. Взвылъ народъ голосомъ; то каждый плакалъ по своей, а тутъ всѣмъ міромъ воздыхнули по царевнѣ. Всѣ думаютъ: пропала дочь нашего краснаго солнышка — теперь ужъ нѣть ее на свѣтѣ: змѣй съѣль; но змѣй не стать ее ъсть: красавица собой была, какой

на свѣтъ нѣть другой, такъ приберегъ, да за жену себѣ взялъ, такъ и живеть.

Полетить онъ, змѣй поганый, на свои людоѣдные промыслы, а царевну завалить въ берлогѣ бревнами, чтобы безъ него куда не ушла. А у той царевны маленька собачка была, увязалась за нею изъ дому царскаго, да съ нею въ берлогѣ и живеть. Вотъ и напишетъ, бывало, царевна грамотку батюшкѣ любезному съ матушкой, навяжетъ собачкѣ этой на шею и махнетъ, заплакавъ, рукой, а та побѣжитъ, да прямо въ теремъ царскій, у воротъ поскребеть, залаетъ, стражники тотчасъ ворота отпираютъ, собачку принимаютъ, ведутъ на пресвѣтлыя очи княжескія и царскія: царь и царица прочитаютъ, помолятся, что дочь еще жива у нихъ, поплачутъ, что сгубилась за чудищемъ, змѣемъ—людоѣдомъ, отвѣтную грамотку собачкѣ на шею повѣсять, та и бѣжитъ прямо въ берлогу змѣиную, да тайкомъ отъ поганаго чудища къ царевнѣ своей тишкомъ да молчкомъ проползеть, а та и отвяжетъ опять грамотку

и вѣсточку разбереть и сердце и душу отведеть.

Вотъ и пишутъ разъ царь съ царицей къ царевнѣ своей такъ: «Узнай—де, кто сильнѣе змѣя». Царевна и догадалась, къ—чemu это дѣло пошло и стала попривѣтливѣй къ своему лютому врагу, стала у него, по женскому обычаю, допытываться, кого онъ боится, кого не боится и кто его сильнѣй. Тотъ, хоть и ластится, а долго не говорилъ; однако, противъ женской пытки устоять трудно; онъ разъ какъ—то и проговорился, что «есть на свѣтѣ одинъ только человѣкъ, котораго я боюсь, да онъ и самъ силы своей не знаетъ, такъ онъ мнѣ и не страшенъ, кабы только кто его не надоумилъ: живеть, виши, въ городѣ престольномъ, въ Кіевѣ, мужикъ Кожемяка, такъ этотъ силенъ, и страхъ силенъ, такъ—что съ нимъ возиться и мнѣ не подъ—силу. Кабы у него была дочь, да досталось бы ей по жеребью ко мнѣ, такъ, чай, Кожемяка и не отдалъ бы, а мнѣ бы за лиху бѣду стало, и самъ бы не зналъ что дѣлать».

Какъ узнала про это царевна, такъ въ ней сердце взыграло. Выждала она, чтобъ змѣй улетѣлъ на свои людоѣдные промыслы, скорѣе позвала вѣрную свою собачку, написала записочку: «Сыщите, батюшка, въ городѣ престольномъ въ Киевѣ мужика Никиту Кожемяка, да пошлите его меня изъ неволи высвободить». И навязала грамотку собачкѣ на шею и махнула бѣлой рукой. Собачка проползла между колодами, которыми змѣй завалилъ входъ въ берлогу, побѣжала прямо въ теремъ царскій и принесла царю желанную вѣсть.

Царь приказалъ сыскать Никиту Кожемяка и самъ пошелъ, и съ царицею, просить его, чтобъ онъ опросталъ его землю отъ лютаго змѣя-людоѣда и освободиль бы царевну. А въ ту пору Никита Кожемяка (держаль онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ), какъ увидалъ онъ, что къ нему во дворъ пришелъ самъ царь великий князь, сробѣль, задрожалъ со страху, руки у него затряслись, онъ и разорвалъ за одинъ разъ тѣ двѣнадцать воловыхъ кожъ; да сколько ни упрашивали

его царь съ царицей, не пошелъ онъ супротивъ того змѣя: «Ты видиши», говорить онъ пресвѣтлому князю: «я человѣкъ смирный, робкій; не могу я противъ змѣя того бороться, не мужицкое это дѣло».

Вотъ и созвалъ царь думцевъ своихъ и приказалъ имъ надуматься, какъ быть и какъ упросить Никиту, чтобы пошелъ онъ на змѣя; а побить онъ его сможетъ: самъ змѣй обѣ этомъ проговорился. И придумали собрать пять тысячъ малолѣтныхъ дѣтей и послать ихъ просить Никиту Кожемяка, авось на ихъ слезы сжалобится. Пришли малыя дѣти несметной толпой на дворъ Никиты Кожемяка, стали всѣ на колѣни и ну просить со слезами, чтобы шель супротивъ змѣя; дѣвочки всѣ плачутъ, говорятъ: «дядюшка Никита, спаси, не дай намъ подости да пропасть; покуда мы вотъ малы, такъ ходимъ и бѣгаемъ—себѣ и горя не знаемъ, а какъ только которая изъ нась подростеть, такъ не на радость отца—матери, а на гибель свою, на смерть лютую отъ змѣя поганаго, людоѣда». Ребятишки

тоже плачутъ, кричатъ: «Дядюшка Никита, и встать передъ тобой не встанемъ, и съ мѣста не сойдемъ, и съ широкаго двора твоего не выйдемъ, покуда не скажешь намъ, что пойдешь побить чудище лютое; у всѣхъ у насъ сестрицы есть, у всѣхъ у насъ, какъ подростемъ, невѣсты будуть, да не на радость намъ и родителямъ, на плачъ и горе, на съѣденіе змѣя—людоѣда!»

Прослезился и самъ мужикъ Никита Кожемякъ, на ихъ слезы глядя. «Что жъ, говорить, пусть проглотить меня, коли не подавится: авось ловко повернусь, такъ и въ глоткѣ его коломъ стану. На васъ глядѣть мнѣ за бѣду стало. Подите прочь, такъ я и на змѣя пойду».

Взялъ Никита триста пудовъ пеньки, свилъ всѣ въ одинъ плетешокъ, да на смолилъ его смолой, и смолы пенька приняла триста пудовъ; обмотался онъ весь плетешкомъ этимъ, чтобы не съѣль его змѣй, не исчавкалъ его за одинъ разокъ, и пошелъ на него.

Подходитъ Никита Кожемяка къ берлогѣ змѣиной, а змѣй увидалъ его,

поджаль хвостъ и заперся и не выходить къ нему. «Выходи, братъ, лучше въ чистое поле!» гаркнуль Никита Кожемяка: «не то и берлогу твою размечу на вѣтеръ всю.» Да и сталъ—было приниматься за работу, колоду за колодой, какъ лучинки, вытаскивать, чрезъ себя перекидывать. Змѣй видить бѣду неминучую, что хуже въ берлогѣ задушить его Никита, и вышелъ къ нему въ чистое поле.

Долго ли, коротко ли бился со змѣемъ Никита, только повалилъ его въ рукопашную; тутъ змѣй взмолился ему: «Не бей меня до смерти, Никитушка: сильнѣй нась съ тобой на свѣтѣ нѣть, останемся мы жить съ тобой, такъ—что добра не сдѣлаемъ, а худа не увидимъ: раздѣлимъ мы съ тобой всю землю, весь свѣтъ по—ровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, я въ другой; ни тебѣ ни мнѣ обидно не будетъ.» — «Ладно» сказалъ Никита Кожемяка: «такъ надо намъ поперегъ всей земли межу проложить; протащишь ли соху?» — «Протащу» сказалъ змѣй. Вотъ Никита и выковалъ

сошникъ въ триста пудовъ и сдѣлалъ по немъ соху, запрягъ змѣя, да и сталъ изъ—подъ Кіева межу пропахивать: такъ и провель онъ борозду отъ Кіева до самаго до моря.

Запыхался змѣй и изнудился; радъ, что службѣ его пришелъ конецъ. «Ну» говорить онъ Никитушкѣ: «теперь мы съ тобой всю землю подѣлили: которая половина будеть твоя, которая моя?» — «Землю раздѣлили» проговорилъ Никита, а самъ змѣя изъ сохи не выпускаетъ: «да еще не раздѣлили моря; теперь тащи соху по морю, давай и его межевать, а то ты скажешь послѣ, что твою воду беруть.»

Нечего дѣлать змѣю, поволокъ змѣй соху по синему морю; самъ плыветь, самъ голову гребенчатую подымаетъ, кругомъ озирается, скоро ли тому морю конецъ. Какъ вѣхали они на самую средину моря, такъ Никита Кожемяка убилъ того змѣя и утопиль его въ морѣ.

Про царскую дочь и говорить нечего, что освободилась она и стала жить да поживать въ терему у батюшки. А борозда

эта осталась и понынѣ; она была глубиной въ двѣ сажени, а въ отвалѣ на столько жъ вышины; сколько сотъ лѣтъ прошло, а борозду все знать, только помаленьку осыпается. И вокругъ пашуть, по обѣ стороны, а ее не трогаютъ; а кто не знаетъ этого дѣла, тотъ называетъ борозду эту валомъ, а для чего и кѣмъ такой валъ сдѣланъ — не говорять.

Никита Кожемяка, сдѣлавъ святое дѣло, за трудъ не взяль ничего; онъ опять пошелъ, попрежнему, кожи мять.

Когда царствовалъ царь Иванъ Васильевичъ, царь Грозный, то литовцы задумали взять Москву. Какъ тутъ быть, сила не береть, такъ пойти на хитрости: не волчій зѣвъ, такъ лисій хвостъ. Вотъ они и купили бояръ царскихъ, а тѣ и подали царю облыжную жалобу на новгородцевъ, что они—де смутные, непокорные люди, противъ царской власти бунтуютъ, только того и смотрятъ, гдѣ бы и какъ бы причинить измѣну; и уговорили царя пойти

самому смирять ихъ. Царь и взяль съ собой губниковъ, да палачей московскихъ, Малюту, сына Скуратова, и другихъ, и отправился смирять новгородцевъ.

Воть царь Иванъ Васильевичъ чинить судъ страшный и расправу жестокую въ Новѣгородѣ, а литовцы тѣмъ часомъ подошли и накрыли Москву и заняли ее, и правять съ нея окупа серебра и золота возами.

Въ одну ночь лежить Грозный царь въ опочивальнѣ своей, утомившись кровавыми казнями невинныхъ новгородцевъ. Не можетъ онъ соснуть, не можетъ глазъ сомкнуть, и видить не во снѣ, а въявѣ: подходитъ къ ложу его могучій воинъ; и опозналъ онъ въ воинѣ этомъ Заневскаго.

— Чего хочешь; прошепталъ испуганный царь — покланяюсь тебѣ, а самъ лежить, сложа руки на груди, и смотрить.

— Что спиши, царь Иванъ, сказалъ воинъ: на вдовѣ твоей сватается женихъ незваный; она безъ тебя не знать идти ли?

Не понялъ Грозный царь словъ посланника; ночь прошла, страхъ прошелъ;

на утро пошли опять тѣ же убийства, тѣ же кары и казни. Пришла ночь; ослѣпленный клеветою крамольныхъ бояръ, измученный дневными казнями, царь легъ опять на ложе свое, но его опять взялъ страхъ, онъ будто чего-то ждалъ. Въ полночь тотъ же посолъ и тѣ же слова: «Царь, на вдовѣ твоей сватается женихъ; она безъ тебя не знаетъ, идти ли ей, нѣть ли?»

Долго лежалъ бѣдный царь не смыкая глазъ, все глядѣль на то мѣсто, гдѣ стоялъ грозный воинъ; давно уже не было его, но это не сонъ, царь не спить и не спаль; это то же, что было вчера; и вчера ночью не спаль онъ, а видѣль и слышалъ живыми очами своими и ушами. Заснуль ли, нѣТЬ-ли, царь къ утру — про то вѣдаетъ одинъ Богъ; а какъ день насталъ, такъ опять губники съ палачами принялись за работу, а грозный царь даваль судъ и рядъ и самъ отбиралъ подъ пыткой допросы. Страшно стало ему, когда увидѣль, что и этотъ день уже вечеряеть, что пора на покой, хоть палачамъ. Ушелъ Иванъ Васильевичъ въ

почивальню свою, опять легъ, и опять ждеть гостя.

— Царь Иванъ, сказалъ воинъ, который на этотъ разъ быль страшнѣе прежняго и такъ свѣтель, что царь не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза: — я говорю тебѣ въ послѣдній разъ, иди спасать свою вдовицу: виновные у тебя радуются, невинные плачутъ; страшись гнѣва Господня: бояре продали тебя, продали твою Москву, продали Русь; иди и казни виновныхъ; тамъ вдова твоя, тамъ она молить тебя о помощи, а не здѣсь; тутъ молять о пощадѣ, а ты ея не даешь.

Царь на этотъ разъ посадилъ въ почивальню своихъ трехъ близкихъ бояръ; когда воинъ изникъ на мѣстѣ, то Иванъ Васильевичъ, собравшись съ силами, перевель духъ и спросиль: «видѣли?» Бояре смотрѣли на царя, не понимая словъ его: они не видѣли ничего. «Ну такъ слышали?» — Нѣтъ, не слыхали ничего; только голосъ пронесся въ открытое окно, словно кто вдалекѣ простоналъ.

Иванъ Васильевичъ сѣль, замолкъ и долго смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ уже въ третій разъ показалось ему загадочное видѣніе. Онъ вдругъ вскочилъ, велѣлъ въ ту же ночь всѣмъ подыматься, самъ прынуль на богатырскаго коня своего и поскакалъ къ сирой вдовицѣ своей, Москвѣ—бѣлокаменной. Избавя и выпроводивъ изъ нея незваныхъ гостей, литовцевъ, онъ казнилъ продажныхъ бояръ, которые такъ коварно его обманули, засаженныхыхъ въ темницы новгородцевъ всѣхъ приказалъ выпустить на свободу, а тѣхъ, которые уже были имъ замучены и казнены — поминать въ синодикахъ.
